

УДК 330.34

Ю.Г. Павленко

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Институт экономики РАН, г. Москва

Экономическая безопасность государства определяется способностью экономики поддерживать суверенитет страны и адаптироваться к новым условиям развития. Выявлены и представлены факторы, обеспечивающие необходимое качество государственного управления, способность государства мобилизовать ресурсы экономического развития. Определены механизмы влияния государственных и социальных институтов на экономику. Представлен также глобальный контекст, формирования мобилизационного потенциала. Данный контекст состоит из системного кризиса, проявляющегося в базисных – политико-экономических и в надстроечных отношениях современного капитализма.

Ключевые слова: государство, экономическая безопасность, мобилизация, экономическое развитие, потенциал, гражданское общество.

Государство как субъект управления и гарант экономической безопасности

Говоря о государстве как о субъекте управления хотелось бы обратить внимание на его трактовку как особого и самостоятельного явления и орган целого. Государство выступает как продукт объединения людей в интересах целостности. Мнение большинства может не совпадать с интересами целого, поскольку это мнение диктуется коротким временным горизонтом. Интересы целого охватывают десятилетия и столетия, если не всю историю данной человеческой общности [1, с. 192]. В этих условиях происходит обособление функции целостности и возникновение категории людей или субъектов, выполняющих функцию целостности государства.

На практике часто проявляются сложности в реализации «функции целостности». На них обращал внимание М. Вебер. Во-первых, по его словам, «угрожающий момент нашей ситуации - буржуазные классы перестают быть носителями властных интересов нации», и во-вторых, М. Вебер отмечал, что «конечное содержание социально-политической проблемы - вопрос о политической квалификации классов, господствующих и находящихся на подъеме» [2, с. 37]. Невольно напрашиваются параллели с ситуацией в современной России, где «содержание социально-политической проблемы», как нам представляется, во многом заключается в поведении и качестве управленческой элиты.

Говоря о функциях и качестве правящей элиты нельзя не отметить и наличие этического аспекта проблемы. И здесь снова приходится обратиться к М. Веберу. Анализируя различные этики различных слоев – классов общества М. Вебер указывает на «специализацию этики». Для политика, бюрократа, чиновника – это этика служения, для бюргера, буржуа, предпринимателя – этика выгоды. Для представителей творческих профессий – этика творчества, общественно полезная деятельность [3, с. 700]. Анализируя поведение современной управленческой элиты, невольно отмечаешь, что в массе своей оно далеко от нормативных установок «этики служения». Российская бюрократия всех уровней часто демонстрирует поведение, при котором интересы целого приносятся в жертву ее частным интересам [4, с. 155].

Отказ управленческой элиты от «этики служения» сопровождается широким распространением бюрократизма, который самым негативным образом сказывается на инновационном развитии и, в частности, на развитии науки. Крупнейший специалист в данном вопросе, и можно сказать основоположник теории бюрократии, М. Вебер в своей работе *Wissenschaft als Beruf* (в русском переводе «Наука как призвание и профессия») подчеркивал, что капитализм и связанная с ним бюрократизация все новых сфер общества серьезно отражается на науке как социальном институте. Университеты, по его словам, превращаются в типичные государственно-частные предприятия. Отделение работника от средств производства, которое М. Вебер, вслед за К. Марксом, рассматривает в качестве одной из наиболее характерных черт капитализма, в научных организациях приобретает форму отделения исследователей от средств проведения исследований. Это, по мнению М. Вебера, негативно сказывается как на положение работников, так и на механизмах их отбора в организации. Углубляется личная зависимость ученых от вышестоящих лиц в академической иерархии. Последние доминируют и в иерархии знаний и в административной иерархии, обладая правом применения соответствующих санкций. По словам М. Вебера, бюрократизация ведет к тому, что научные способности и достижения перестают иметь определяющее значение в академической карьере, а посредственные умы (*Mittelmässigkeiten*) начинают играть все более важную роль в жизни университетов и в академической науке [5, с. 33-34].

Один их крупнейших специалистов по изучению трудов М. Вебера польский социолог С. Козыр-Ковальский, предпринял попытку проанализировать и сопоставить положения М. Вебера, содержащиеся в его критике современной ему академической науки с некоторыми аспектами его же теории бюрократии. Ученый отметил высокую степень сходства между структурой бюрократической организации по М. Веберу и структурами научно-исследовательских и образовательных организаций, проецируя это сходство

и на современные организации науки. С. Козыр-Ковальский приходит к выводу, что современная организационная структура научных организаций, социальное положение исследователей способствуют продвижению по ступенькам академической иерархии, но мало способствуют и даже служат препятствием в развитии самой науки и реализации ее достижений. В своем анализе С. Козыр-Ковальский вводит термин «методы бюрократического продвижения», к которым относит следующие выявленные им «методы»:

- 1) псевдо эрудиция: практика помещения в сносках, библиографиях, работ, которые исследователь не только не читал, но часто даже не держал в руках;
- 2) паразитизм: скрытое присвоение чужих результатов исследований;
- 3) ученость: прикрытое эрудицией отсутствие собственных идей или результатов исследований;
- 4) культ авторитетов: преклонение перед авторитетами как следствие собственной узкой специализации;
- 5) исследовательский минимализм: уклонение от проблем, требующих большого объема исследований или широкой гуманитарной культуры [5, с. 35].

Анализируя проявления бюрократизма в «реальном» секторе экономики на примере поведения корпоративной бюрократии Дж. К. Гэлбрейт отмечал, что, как и любая бюрократия, корпоративная бюрократия обладает ярко выраженным стремлением к увеличению своих размеров. Зарплата бюрократа в значительной степени зависит от количества подчиненных, а его жизнь становится более приятной и успешной, если функции обдумывания и принятия решений возложены на нижнее звено [6, с. 40]. По его словам, необходимо признание обществом и государственной властью того факта, что власть менеджмента создает предпосылки для социально нежелательного поведения. Именно поэтому деятельность предприятий должна строго контролироваться, а размер вознаграждения, которое определяют для себя менеджеры, должен стать тем вопросом, которому обществу следует уделять особое внимание [6, с. 74].

Рассматривая факторы экономической безопасности государства, не следует забывать и о безопасности отдельных граждан. В конечном счете угрозы безопасности (социальной и экономической) граждан несут угрозу экономической безопасности государства. В современном мире (включая Россию) повсеместно наблюдаются такие явления, несущие угрозы экономической и социальной безопасности граждан, как бедность; социальное неравенство; нестабильность доходов и отсутствие их устойчивого роста; ограничения доступа к образованию, здравоохранению; отсутствие социальных лифтов. Перечисленные угрозы с нашей точки зрения возникают и как следствие реализации доктрины «минимального государства». Данная доктрина предполагает отказ от реализации проектов «совершенного общества» в пользу хаотичных, «слепых» сил свободной конкуренции [7].

Вместе с тем, по мнению, социолога Д. Столля, придя на смену доктрине государства всеобщего благосостояния (*welfare state*), доктрина «минимального государства» обеспечивает надежную и приоритетную защищенность интересов элит [8].

В рамках доктрины «минимального государства» игнорируется наличие причинно-следственной связи между снижением доходов большинства и сокращением темпов роста экономики [9, s. 7]. По существу, реализация данной доктрины опирается на антистимулы развития. Она исходит из следующих постулатов: во первых, из приватизации сферы социальных услуг и их подчиненности «правилам рынка»; во-вторых, из положения граждан, выступающих в ней как индивидуальные клиенты, потребители, но не как члены интегрированного сообщества. Культура потребительства в рамках доктрины «минимального государства» поощряется как полезное и приоритетное качество граждан. Так по словам бывшего министра А. Фурсенко: «Недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других» [10].

Представляется, что обеспечить экономическую безопасность России в сложившихся условиях способна лишь, новая экономическая модель, опирающаяся на механизмы мобилизационной экономики. Данные механизмы предполагают концентрацию ресурсов на ключевых направлениях, которая опирается на инструменты институционального и идеологического характера [11, с. 169]. В рамках такой мобилизации доходы бюджета можно увеличивать не столько за счет роста цен на энергоресурсы, сколько за счет развития современного производства, введения прогрессивной шкалы подоходного налога, поддержки со стороны государства перспективных инвестиционных проектов.

Объективная необходимость реализации политики мобилизационной экономики возрастает в связи с введенные против России санкций, представляющих собой инструмент финансовой войны. Санкции особенно чувствительны на фоне высокой степени открытости российской экономики для внешнего влияния. Очевидна необходимость принятия чрезвычайных мер по созданию независимой национальной финансовой системы. Экономист А. Колганов отмечает, что хотя в своих крайних формах мобилизационная экономика может полностью подавить рынок, исторический опыт военных экономик ряда стран показывает, что можно сочетать мобилизационную экономику с рыночными отношениями. Несмотря на факторы, указывающие на необходимость перехода на мобилизационную экономику А. Колганов, указывает на отсутствие в стране социальных, экономических и политических механизмов такого перехода [12].

Гражданское общество как институциональный субъект развития

Одним из отмеченных ранее механизмов перехода к современной мобилизационной экономике призвано служить гражданское общество как элемент эффективной социально-экономической модели и социальной практики будущего. При этом гражданское общество по своей сути тесно связано с социальной экономикой, при которой экономический механизм, рынок подчиняется реализации социальных целей. Представляется, что мы находимся в самом начале длительного исторического этапа, суть которого в объективной потребности в усилении роли гражданского общества, с перспективой социализации экономики и рынка. Гражданское общество мы рассматриваем как элемент системы власть (государство) – бизнес (рынок) – гражданское общество. В плане социальной практики современный взгляд на гражданское общество выделяет две его стороны. Первая сторона - организационная. С организационно-функциональной точки зрения гражданское общество рассматривается как определенный тип организации или самоорганизации, существующий, благодаря наличию формальных и неформальных институтов, процедур и отношений [13, s. 15]. Вторая сторона гражданского общества включает социальные отношения и формы коммуникации между гражданами, которые создают социальное пространство. В социальном пространстве формируется такое качество индивида, как гражданственность. Гражданственность проявляется в сфере обыденной жизни, или в гражданской сфере [14, p. 399]. В своей специфике гражданская сфера, в отличие от политической, и экономической сфер общества, как отмечает Дж. Александер, должна выступать как область, включающая исторически определенный набор практик взаимодействия. Они выражается в таких категориях как солидарность, чувство долга и ответственности, равенство, критичность, доверие и уважение [15, p. 7].

В той степени, в какой гражданское общество существует как независимая сфера, используя площадки гражданского общества (социальные движения и инициативы), а также законодательные механизмы, принуждающие государство к вмешательству в экономическую жизнь в пользу общества, можно сказать, гражданские критерии вводятся прямо и непосредственно в экономическую сферу. Само богатство в данной модели перераспределяется согласно критериям, которые принципиально противоположны чисто экономическим. Гражданское общество выделяясь в особую сферу, способно противодействовать тотальной «маркетизации» общества.

В практическом плане одна из важнейших функций гражданского общества состоит также в том, чтобы воздействовать в сторону уменьшения произвола государственной бюрократии, минимизировать отклонение интересов и целей общества и государства как целого от партикулярных интересов, сформулированных политиками [16, с. 30]. Нормативные общественные интересы, формулируемые государством, должны в максимальной степени отражать интересы общества. В самом общем виде интерес

общества состоит в его всесторонней безопасности, а также в повышении уровня и качества жизни граждан. В современных условиях в экономике знаний экономический рост становится невозможным без непрерывного инвестирования в сферы науки, образования, культуры, здравоохранения. Механизм производства мериторных благ³, необходимых для воспроизводства человеческого потенциала, может успешно функционировать лишь при тесном взаимодействии государства и гражданского общества. Гражданское общество и гражданская активность могут стать важнейшим фактором преодоления накопившихся институциональных деформаций, а также формирования новой, содержащей элементы мобилизационной экономики, модели развития. Есть основания полагать, что мы находимся в самом начале длительного процесса становления гражданского общества в качестве доминирующей сферы в государстве и экономике и формирования на этой основе новой модели социальной экономики

Социальная экономика как перспективная экономическая модель

В качестве примера, демонстрирующего один из элементов новой модели нарождающейся социальной экономики может служить опыт Германии, где огромными массами финансовых сбережений вместо так называемых «институциональных инвесторов», занятых финансовыми спекуляциями, управляют небольшие сберегательные кассы, существующие в каждом, даже небольшом городке. Согласно журналу Экономист (The Economist) таким образом управляется свыше половины сбережений в Германии [17, р. 69].

Социализация экономики предполагает и социализацию сферы потребления, как составной ее части. Назрела необходимость сознательного регулирования структуры потребления в рамках формирования соответствующей экономической политики, ориентированной на удовлетворение разумных потребностей человека, т.е. потребностей, которые помогают развитию в человеке его подлинно человеческих качеств. В круг таких потребностей очевидно не входит потребность в товарах симулякрах [18, с. 25].

Стремление к неограниченному потреблению товаров и услуг, поощряемое современной экономикой, на определенном этапе приходит в противоречие с глубинными интересами и потребностями человека. Безудержная гонка за потреблением зачастую не оставляет ни времени, ни сил для его саморазвития. Конечно, речь не идет об аскетизме, об отрицании материального благополучия как такового. Речь идет об излишествах в материальном потреблении. Сформулируем тезис, который может звучит несколько категорично, но, по сути, как нам представляется, верный: «культурный человек не нуждается в богатстве». Кроме того, сверхпо-

³ Блага, спрос на которые со стороны индивидуальных потребителей отстает от потребностей общества и поддерживается государством.

ребление одних приводит к недопотреблению других и, вслед за этим, к росту социальной напряженности, деформации и деградации социально-производственных отношений. Последние, в свою очередь, служат препятствием развитию производительных сил, и в конечном счете, к социальным потрясениям. К сожалению, социальные потрясения, как показывает история, часто выступают составной частью механизма устранения препятствий развитию.

Имеется еще один важный аспект политики рационального, разумного потребления – геополитический. Догоняющей стране, к которой объективно относится и Россия, такая политика позволит достичь высоких параметров качества жизни, не идя вслед за более развитыми странами, и тем самым, не повторяя все зигзаги их путей и ошибок. Кроме того, за рациональной структурой потребления выстраивается и соответствующая ей структура производства. Речь идет о приоритетном развитии отраслей входящих в так называемую экономику знаний, включая развитие сферы культуры, в качестве основы креатосферы. В современной экономике не только наука, но и культура становится воспроизводственным фактором.

При формировании новой экономической модели ключевым моментом является достижение баланса интересов между государством, бизнесом и обществом. Такой баланс интересов должен строиться на упомянутой выше «здоровой этике» и в рамках социальной экономики. Альтернативой может быть лишь принесение в жертву партикулярным интересам интересов целостности, то есть гибель государства как такового. В заключение хотелось бы привести слова известного американского социолога Р. Сентнета, который не будучи марксистом, но принимая близко к сердцу судьбы тех, кто «остались позади», в одной из своих книг написал: «Какие политические программы должны проистекать из этих внутренних нужд, я просто не знаю. Но зато я твердо знаю другое: режим, который не дает людям серьезных причин и веских оснований для того, чтобы заботиться друг о друге, не сможет долго сохранять свою легитимность» [19, с. 251].

© Павленко Ю.Г., 2019.

Библиографический список

- [1] Зиновьев, А.А. Запад. Феномен западнизма / А.А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 1995.
- [2] Вебер, М. Политические работы 1895–1919 / М. Вебер. – М.: Праксис, 2003.
- [3] Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990.
- [4] Павленко, Ю.Г. Государство и проблема интересов целостности // Вопросы политической экономики. – 2018. – № 4. – С 151-158.
- [5] Kozyr-Kowalski, S. Max Weber a Karol Marks. W-wa, 1967.
- [6] Гэлбрейт, Дж. К. Экономика невинного обмана / Дж. К. Гэлбрейт. – М.: Европа, 2009.
- [7] Бауман, З. Текучая современность / З. Бауман. – СПб.: Питер, 2008.

- [8] Stoll, D. Płynna nowoczesność a neoliberalizm. W-wa, 2017.
- [9] Vergopoulos, K. Nierówności społeczne zabijają gospodarkę // *Le Monde diplomatique* (edycja polska). – 2014. – Nr 6 (100) czerwiec. – S. 7.
- [10] Фурсенко честно рассказал о целях реформы образования. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravda-tv.ru/2012/04/19/14237/14237>. (дата обращения: 10 апреля 2019 г.).
- [11] Павленко, Ю.Г. Гражданское общество как фактор социально-экономического развития в условиях модернизации России // *Модернизация России как условие ее успешного развития в XXI веке*; отв. ред. А.Н. Аринин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 169.
- [12] Мобилизационная экономика: какой она может быть? [Электронный ресурс]. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/102320/>. (дата обращения: 12 октября 2014 г.).
- [13] *Czas społeczeństwa obywatelskiego. Między teorią a praktyką*. Kraków, 2006.
- [14] Bryant, C.G.A. Social Self-organization, Civility and Sociology: a comment on Kumar's "Civil Society", "*The British Journal of Sociology*". 1993. Vol. 44. № 3.
- [15] Alexander, J. Introduction // *Real Civil Society: Dilemmas of Institutionalization*. London, 1998.
- [16] Рубинштейн, А.Я. Общественные интересы и гражданское общество // *Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика*. – СПб., 2011.
- [17] Not so bleak. Public-sector banks are preparing for a tougher future // *The Economist*, 16 October, 2004.
- [18] Бузгалин, А. В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // *Вопросы политической экономии*. – 2018. – № 2.
- [19] Сеннетт, Р. Коррозия характера / Р. Сеннетт. – М.: Тренды, 2004.

Yu.G. Pavlenko

STATE MOBILIZATION POTENTIAL IN THE CONTEXT OF ECONOMIC SECURITY

Institute of Economics RAS, Moscow

Abstract. Economic security of the state is determined by the ability of the economy to maintain sovereignty of the country and adapt to new conditions of development. The factors providing the necessary quality of public administration, the ability of the state to mobilize resources for economic development are identified and presented. The influence mechanisms of state and social institutions to the economy are determined. The global context of the formation of mobilization potential is also presented. This context constitutes the systemic crisis which manifests itself in the basic economic and political principles of modern capitalism.

Key words: state, economic security, mobilization, economic development, potential, civil society.

References

- [1] Zinoviev, A.A. (1995). [West. The phenomenon of Westernism]. *M.: Centrpoligraf* [M.: Tsentrpoligraf]. (In Russ).
- [2] Weber, M. (2003). [Political works 1895 – 1919]. *M.: Praxis* [M.: Praxis]. (In Russ).
- [3] Weber, M. (1990). [Selected works]. *M.: Progress* [M.: Progress]. (In Russ).
- [4] Pavlenko, Y.G. (2018). [The state and the problem of integrity interests]. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems of Political Economy]. No. 4. pp. 151-158. (In Russ).
- [5] Kozyr-Kowalski, S. (1967). *Max Weber a Karol Marks*. W-wa.
- [6] Galbraith, J.K. (2009). *Economics of innocent fraud*. M.: Europe.
- [7] Bauman, Z. (2008). *Flowing modernity*. SPb.: Peter. (In Russ).
- [8] Stoll, D. (2017). *Płynna nowoczesność a neoliberalizm*. W-wa.
- [9] Vergopoulos, K. (2014). *Nierówności społeczne zabijają gospodarkę*. *Le Monde diplomatique* (edycja polska). Nr 6 (100) czerwiec, P. 7.
- [10] Fursenko honestly spoke about the goals of education reform. [Electronic resource]. Available at: URL: <http://www.pravda-tv.ru/2012/04/19/14237/14237>
- [11] Pavlenko, Y.G. (2010). [Civil society as a factor in socio-economic development in the context of modernization of Russia. Modernization of Russia as a condition for its successful development in the XXI century]. *M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN)* [M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN)]. P. 169. (In Russ).
- [12] Mobilization economics: what can it be? [Electronic resource]. Available at: <http://svpressa.ru/economy/article/102320>
- [13] *Czas społeczeństwa obywatelskiego*. (2006). Między teorią a praktyką. Kraków.
- [14] Bryant, C.G.A. (1993). Social Self-organization, Civility and Sociology: a comment on Kumar's "Civil Society", "The British Journal of Sociology" vol. 44, nr 3.
- [15] Alexander, J. (1998). Introduction. *Real Civil Society: Dilemmas of Institutionalization*. London.
- [16] Rubinstein, A.Y. (2011). [Public Interests and Civil Society. Civil Society: Foreign Experience and Russian Practice]. *SPb* [SPb]. (In Russ).
- [17] Not so bleak. (2004). Public-sector banks are preparing for a tougher future .The Economist.
- [18] Buzgalin, A.V. (2018). [Late capitalism and its limits: the dialectics of productive forces and industrial relations (on the 200th anniversary of Karl Marx)]. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Problems of Political Economy]. No. 2. (In Russ).
- [19] Sennett, R. (2004). [Corrosion of character]. M.: «Trendy» [M.: Trends]. (In Russ).